

ОДИССЕЙ

человек в истории

Homines novi:
социальные группы в жизни общества

2022

СОДЕРЖАНИЕ

НOMINES NOVI: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

О.Е. Кошелева

«НOMINES NOVI»: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДАННОЙ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ «ОДИССЕЯ» 5

Н.Ю. Живлова

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО! ФОРМИРОВАНИЕ
СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ КЛИРИКОВ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 10

А.В. Русанов

СТУДЕНТЫ И МАГИСТРЫ В ПОРТУГАЛИИ
КОН. XIII–XV ВВ.: ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И
БОРЬБЫ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС..... 30

А.Б. Герштейн

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА: ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАЦИИ ЛЖЕПРАВИТЕЛЕЙ С ОБЩЕСТВОМ.....50

Н.А. Болдырева

«ПОЗЛАЩЕННЫХ ВСАДНИКОВ ДРУЖЕСТВО»:
РАННИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРДЕНЕ ПОДВЯЗКИ В РОССИИ.....74

Л.А. Пименова

ЛИТЕРАТОРЫ И ФИЛОСОФЫ: О МЕСТЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ
XVIII ВЕКА.....96

Т.В. Артемьева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ЭЛИТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....117

О.Е. Кошелева, В.С. Ржеутский
«НИКАКИЕ СИХ РАЗВРАТНЫХ УМОВ НАМЕРЕНИЯ
НИМАЛЕЙШЕ УСПЕТЬ НЕ МОГУТ»: РОССИЙСКИЕ
ВЛАСТИ И ФРАНЦУЗСКИЕ УЧИТЕЛЯ В 1795 Г.140

СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА!

О.Е. Кошелева
СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА! (ВВЕДЕНИЕ).....164

С.И. Лучицкая
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЯ
ФУЛЬКА I, ИЛИ КАК ПЕРЕДАВАЛИ ВЛАСТЬ В
ГОСУДАРСТВЕ КРЕСТНОСЦЕВ.....167

А.Б. Герштейн
(НЕ)ОЖИДАННАЯ СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СЫНА:
КЛЕЙМО САМОУБИЙЦЫ В КАРТИНЕ МИРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ.....195

О.И. Тогоева
ТО, ЧТО МЕРТВО, УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ? САМОУБИЙЦЫ
И ПОХОРОНЕННЫЕ ЗАЖИВО В УГОЛОВНЫХ СУДАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ..... 216

А.С. Лавров
МИРЯНЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ
ЕПАРХИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ «ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ»..... 229

Н. Хриссидис
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА:
СЛУЧАЙ С АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИОСОМ
ВЕГЛЕРИСОМ..... 255

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин
«ПИВНЯК», «МЯСНИК» И «ЗМЕЕВИК»: ПРОЗВИЩА
РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ КОНЦА IV – НАЧАЛА VI В.274

ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ

А.Ф. Кофман

ДОКТРИНА «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» В ТЕОРИИ И
ПРАКТИКЕ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЫ..... 302

СОЦИУМ, ДИДАКТИКА, ЭТИКА

† *В.Г. Безрогов, К.А. Левинсон, Е.Ю. Ромашина, И.И. Тетерин*
«СМОТРИ, ЭТО ГОРОД!» ПРОГУЛКИ С ЯНОМ АМОСОМ
КОМЕНСКИМ, КАРЛОМ ЛАУКХАРДОМ И
КОНСТАНТИНОМ УШИНСКИМ.....320

К.А. Левинсон

«СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ...»: К ПРОБЛЕМЕ
ЭТОСА РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. 344

РЕЦЕНЗИИ

С.И. Лучицкая

ИГРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА (Рец. на кн.: Games and
Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....386

М.М. Кром

УДАЧНЫЙ ОПЫТ СРАВНЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДСКИХ КОММУН (Рец. на кн.: *Лукин П.В.* Новгород и
Венеция: сравнительно-исторические очерки становления
республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.: ил.)..... 392

IN MEMORIAM

В.Г. Безрогов (16.09.1959 – 14.11.2019)..... 398

А.Е. Махов (19.08.1959 – 29.11. 2021)..... 407

SUMMARIES..... 410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	422
ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....	425
СОДЕРЖАНИЕ.....	426
CONTENTS.....	430

CONTENTS

HOMINES NOVI: NEW SOCIAL GROUPS IN SOCIETY

O.E. Kosheleva

“HOMINES NOVI”: SOME NOTES ON THIS
ODYSSEUS SECTION.....5

N.Ju. Zhivlova

GENEALOGIES FIRST! THE MAKING OF CLERGY AS AN
ESTATE-LIKE SOCIAL GROUP IN EARLY
MEDIEVAL IRELAND.....10

A.V. Rusanov

STUDENTS AND MASTERS IN PORTUGAL BETWEEN
THE LATE 13TH AND THE LATE 15TH CENTURIES:
FORMS OF REPRESENTATION AND STRUGGLE FOR
LEGAL STATUS.....30

A.B. Gerstein

THE RETINUE PLAYS THE KING:
PECULIARITIES OF IMPOSTORS' COMMUNICATION WITH
SOCIETY.....50

N.A. Boldyreva

"THE COMMUNITY OF AUREATE EQUITES": THE EARLY
DATA ABOUT THE ORDER OF THE GARTER IN RUSSIA.....74

L.A. Pimenova

PHILOSOPHERS AND MEN OF LETTERS: INTELLECTUALS'
PLACE IN SOCIETY IN 18TH CENTURY FRANCE.....96

T.V. Artem'eva

THE MAKING OF RUSSIAN INTELLECTUAL ELITES IN THE
AGE OF ENLIGHTENMENT.....117

<i>O.Eu. Kosheleva, V.S. Rjeutskij</i> “NO INTENTIONS OF SUCH CORRUPT MINDS CAN IN THE LEAST BIT SUCCEED”: RUSSIAN AUTHORITIES AND FRENCH TEACHERS IN 1795.....	140

WHEN DEATH IS UNEXPECTED!

<i>O.Eu. Kosheleva</i> WHEN DEATH IS UNEXPECTED! (INTRODUCTION).....	164

<i>S.I. Luchitskaya</i> THE SUDDEN DEATH OF FULK I, THE KING OF JERUSALEM, OR HOW POWER WAS TRANSFERRED IN THE CRUSADER STATES.....	167

<i>A.B. Gerstein</i> THE (UN)EXPECTED DEATH OF THE EMPEROR’S SON: THE SUICIDE STIGMA IN THE MEDIEVAL WORLDVIEW.....	195

<i>O.I. Togoeva</i> WHAT IS DEAD MAY NEVER DIE? SUICIDES AND BURIED ALIVE IN THE CRIMINAL COURTS OF MEDIEVAL FRANCE.....	216

<i>A.S. Lavrov</i> LAY PEOPLE AND „UNEXPECTED DEATH“ IN VOLOGDA AND VELIKY USTYUG DIOCESE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES.....	229

<i>N. Chrissidis</i> MANAGING THE SUDDEN DEATH OF A HANDSOME CLERGYMAN: THE CASE OF ARCHIMANDRITE GREGORIOS VEGLERES.....	255

IMAGES OF POWER

<i>M.A. Vedeshkin</i> "THE BEERDRINKER", "THE BUTCHER" AND "THE SNAKE": THE NICKNAMES OF ROMAN EMPERORS OF	

THE LATE 4 TH – EARLY 6 TH CENTURIES AD.	274

CHRISTIANITY AND WAR IN THE MEDIEVAL WEST

A.F. Kofman

THE DOCTRINE OF THE “JUST WAR” IN THEORY AND PRACTICE OF THE SPANISH CONQUISTA.....	302

SOCIETY, DIDACTICS, ETHICS

†V. G. Bezrogov, K.A. Levinson, E. Yu. Romashina, I.I. Teterin

“LOOK, THIS IS A CITY!” REGARDING THE URBAN SPACE WITH JOHN AMOS COMENIUS, CARL FRIEDRICH LAUCKHARD AND KONSTANTIN USHINSKY.....	320

K.A. Levinson

“I REGARD IT AS MY DUTY...” TOWARDS STUDYING THE ETHOS OF EARLY TWENTIETH CENTURY RUSSIAN SCHOLARS.....	344

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

GAMES AS MIRRORED BY THE MEDIEVAL AND RENAISSANCE VISUAL CULTURE (Games and Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....	386

M.M. Krom

GOOD EXPERIENCE IN COMPARING OF THE MEDIEVAL CYTIES (Rev: Lukin P.V. Novgorod and Venice: Comporative Historical Essays of Formation of the Republican Order. SPb.: European University at St. Petersburg Press, 2022. 302 p.: ill.)	

IN MEMORIAM

В.Г. Безрогов (16.09.1959. – 14.11.2019).....	398

А.Е. Махов (19.08.1959. – 29.11.2021).....	407

SUMMARIES.....410
LIST OF AUTHORS.....422
POLYCY PAGE..... 425
CONTENTS..... 430

Т.В. Артемьева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ*

DOI: 10.32608/1607-6184-2022-28-1-117-139

Аннотация: В эпоху Просвещения в разных странах Европы процесс формирования национальных элит различался между собой. Если в Британии, особенно в Шотландии интеллектуалы составляли достаточно гомогенную группу *literati*, куда входили университетские профессора, образованные священники, государственные служащие и просвещенные дворяне, то во Франции идейные установки могли разделять представителей клира, университетских профессоров и «свободных мыслителей», прежде всего «энциклопедистов».

В России ситуация была иной. В начале XVIII в. структура интеллектуальных сообществ изменилась. Церковная элита в значительной степени обособилась, что в определенной мере было связано с ограничительными указами Петра. После основания Петербургской академии наук в 1724 г. и Московского университета в 1755 г. появилась академическая интеллектуальная элита, а также сформировалась дворянская. Если европейские группы интеллектуалов развивались в рамках единой парадигмальной схемы и выстраивали оппозиции чаще всего в рамках идеологической непримиримости (например клерикалы и энциклопедисты во Франции), то российские интеллектуальные сообщества были мало связаны друг с другом, формировались в контексте различных образовательных траекторий, не имели общих пространств профессиональной коммуникации (не случайно российские университеты не имели теологических факультетов, а теологическое образование существовало в рамках сепарированных церковных школ), обращались к различным авторитетам. Все это способствовало одновременному существованию непохожих друг на друга интеллектуальных моделей и философских систем, что в еще большей степени усложнилось в XIX в. с появлением интеллигенции как самостоятельной социальной группы.

Ключевые слова: интеллектуальная элита, интеллектуальная коммуникация, академическая элита, церковная элита, дворянская элита, Россия, эпоха Просвещения.

Keywords: intellectual elite, intellectual communication, academic elite, church elite, noble elite, Russia, the Enlightenment.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00175.

Исследователи эпохи Просвещения в России прочно соединяют ее с Петровскими преобразованиями, однако, порой, описывают события того времени с помощью двоичного кода столкновения «старого» и «нового». Если такая модель в какой-то степени и оправдана для политической ситуации, то она вовсе не объясняет движения и направления в интеллектуальной культуре. Еще хуже она интерпретирует разнообразие философских взглядов. Все это приводит к ситуации, когда изучение доступных сегментов интеллектуальной мозаики создает набор «пазлов», из которых не получается собрать целостную картину. И речь идет вовсе не только о том, что множество текстов до сих пор не исследовано и не введено в научный оборот, не переведено (с латыни или с французского языка), не прочитано и не понято. Эта неполнота скорее имеет своей причиной отсутствие методологии, которая бы помогла сформулировать исследовательские задачи и помочь выстроить логику научных разысканий и описания найденного материала.

Обратимся к традициям исследования эпохи Просвещения. Мы обычно определяем ее как интеллектуальное и философское движение восемнадцатого века. Многие исследователи пытались выявить характерные черты этой эпохи. Генри Мэй представил Просвещение как процесс развития от Умеренного Просвещения (1688–1787), Скептического Просвещения (1750–1789), Революционного Просвещения (1776–1800) к Дидактическому Просвещению (1800–1815)¹. Умеренное Просвещение основано на рациональности, порядке и религиозном компромиссе и представлено такими мыслителями, как Уильям Блэкстон и Джон Локк, Томас Рид, Адам Фергюсон, Джеймс Битти и Дугалд Стюарт. Скептическое Просвещение, основанное на эпистемологическом скептицизме, было преимущественно французским явлением, представленным Вольтером, К.-Ф. Вольнеем и Д. Юмом. Мэй пишет о том, что оно было невозможно и непредставимо в протестантской Америке². Революционное Просвещение было скорее социальным, чем эпистемологическим. Оно началось в Англии и Франции и продолжилось в Америке. С этим периодом связаны имена Ж.-Ж Руссо, Т. Пейна, Т. Джефферсона и У. Годвина, а также идея нового мира, в котором торжествует разум, упразднены жестокие наказания, рабство, про-

¹ *May*. 1976.

² *May*. 1991.

извол правительства и религиозные преследования³. Дидактическое Просвещение было реакцией на революцию и мировоззренческий скептицизм. Оно началось в середине восемнадцатого века как шотландская школа здравого смысла и восторжествовало в первой четверти девятнадцатого века в Америке. Аргументация Мэя по поводу такой периодизации не очень понятна, если только не рассматривать эпоху Просвещения как общемировой процесс, этап интеллектуального и культурного развития, который должны пройти все страны, что, конечно, очень похоже на марксистскую историософскую схему и не может удовлетворить современного исследователя.

Джонатан Израэль предположил, что различные типы мировоззрения могли существовать одновременно. Он использовал понятие «радикального» Просвещения, которое сосуществовало с «умеренным» Просвещением и Контрпросвещением. Он исследовал интеллектуальные процессы и генезис демократических институтов в Европе этого времени⁴. Отправной точкой изучения феномена эпохи Просвещения для Израэля является Голландская республика (1651–1702), где эта эпоха проявлялась несколько иначе, нежели в других регионах Европы: «Просвещение затронуло все европейские страны, но некоторые из них играли более важную роль в создании и пропаганде новых идей, чем другие. В отличие от большей части остальной Европы, влияние и активность нидерландского Просвещения в течение XVIII в., скорее, шло на убыль, чем возрастало. В этом отношении нидерландское Просвещение в некоторой степени напоминало Просвещение английское (в отличие от шотландского), уходящее своими корнями в крупные интеллектуальные прорывы конца XVII в. и оказавшее мощное влияние на европейское Просвещение XVIII в., но обладавшее гораздо меньшим воздействием впоследствии»⁵. Израэль пишет, что радикальное Просвещение, каким его представляли такие мыслители, как Спиноза, Бейль и Дидро, создало основу главных принципов современных западных обществ: демократии, равенства полов, равенства рас, индивидуальной свободы образа жизни, свободы мысли и выражения, полной религиозной терпимости и свободы прессы. Однако восприятие комплексов идей некоторых мыслителей могло не вполне соответствовать сути написанного ими, но в значи-

³ *May*. 1991: 168.

⁴ *Israel*. 2001, 2011, 2013.

⁵ *Израэль*. 2018: 477.

тельной мере конструироваться их последователями. Израэль показывает это на примере Спинозы: «выхолощенный, а также кореным образом сокращенный «Спиноза» был превращен группой нидерландских и гугенотских вольнодумцев в могущественную подпольную силу, главный «мотор» радикального Просвещения в Соединенных Провинциях и душу, если не Душу с большой буквы, первой волны антихристианских сочинений во Франции»⁶.

Модель Джонатана Израэля дает возможность увидеть, что интеллектуальная и политическая культура эпохи была неоднородной, что сделало возможным одновременное со(существование) и развитие разнонаправленных, а порой диаметрально противоположных друг другу комплексов идей. Но в то же время мы видим, что каждый комплекс идей был порожден определенной интеллектуальной сетью, члены которой могут быть связаны как личными отношениями, так и своими идеями. Ключевыми авторитетами Радикального Просвещения были Спиноза, Мандевиль, Вико, Морелли, Мабли, Дидро и Вольтер. Американское Просвещение и британское Просвещение были представлены в основном умеренными мыслителями, такими как Ньютон, Локк, Франклин, Юм, Монтескье. Что касается Контрпросвещения, самого противоречивого проекта внутри Просвещения⁷, то тут мнения исследователей расходятся, так, например, одни называют Руссо основателем Контрпросвещения, другие – радикальным мыслителем.

Для Исаяи Берлина, который ввел термин «контрпросвещение» в интеллектуальную историю, оно было связано с Джамбаттисто Вико, Иоганном Готфридом Гердером, Жозефом де Местром (Местр интерпретирует революцию как божественное наказание за грехи Просвещения), Иоганном Георгом Гаманом, Эдмундом Берком, Огюстеном Баррюэлем.

Важный вклад в понимание Просвещения внес Юрген Хабермас. Его концепция публичной сферы позволила ученым понять реальную роль интеллектуальных взаимодействий в ту эпоху. В своей книге «Структурная трансформация публичной сферы»⁸ он ввел понятие публичной сферы как пространства для открытых дискуссий, критики власти, прозрачности, независимости участников от экономических интересов, государственного и церковного

⁶ *Израэль*. 2018: 477.

⁷ *Berlin*. 2003.

⁸ *Habermas*. 1989.

контроля, а также свободной прессы. Он проанализировал, как публичная сфера создала новую вселенную идей и новый дух философского века. Публичная сфера, а также гражданское общество были важной основой для развития идей Просвещения.

Каждый комплекс идей генерировался группами мыслителей, которые могли быть вовлечены в один и тот же проект (например, энциклопедисты) или в одну и ту же систему коммуникативных институтов (интеллектуальные салоны, клубы, кофейни, ученые общества, масонские ложи и т.д.). Важность анализа интеллектуальных и философских сетей для понимания циркуляции идей и формирования интеллектуальных сообществ была продемонстрирована американским социологом Рэндаллом Коллинзом (1998)⁹. Коллинз предлагает исследовать интеллектуальные сообщества/философские школы на основе анализа социальных структур, которые он называет интеллектуальными сетями. Коммуникативные связи внутри таких сетей и позволяют вырабатывать и реализовывать определенную систему философского сообщества. В зависимости от ряда обстоятельств, среди которых интеллектуальные традиции, способы коммуникации участников и используемые для этого медиасредства, сеть может быть представлена как философская школа или направление. Коллинз выделяет коммуникационные связи философов и обстоятельства их личной жизни как важный фактор успешности их теоретических программ. «История философии есть в значительной степени история групп, — пишет он, — Ничего абстрактного здесь не имеется в виду — ничего, помимо групп друзей, партнеров по обсуждениям, тесных кружков, часто имеющих характерные черты социальных движений»¹⁰. Коллинз обращает внимание на то, что значимые этапы в развитии истории философии могут быть связаны с взаимодействием достаточно узкой группы людей. Он подробно разбирает этот феномен на примере развития философского направления, получившего название «немецкая классическая философия» (у Коллинза «немецкое идеалистическое движение»)¹¹.

Конфигурация интеллектуальных сообществ могла различаться в разных странах довольно сильно. Так, например, интеллектуальная среда в Шотландии была очень многообразной, но при этом

⁹ Коллинз. 2002.

¹⁰ Коллинз. 2002: 48.

¹¹ Коллинз. 2002: 807–809, 816–821, 830–857.

достаточно гомогенной. Она включала университетских профессоров, церковных служителей, юристов, государственных служащих, библиотекарей и независимых ученых. Все они называли себя *literati*. Они могли сохранять свои социальные роли в течение жизни, совмещать или менять их. Например, Уильям Робертсон был одновременно известным историком, служителем шотландской церкви и ректором Эдинбургского университета. Адам Фергюсон был библиотекарем Библиотеки адвокатов, затем воспитателем в семье графа Бьюта (Earl of Bute), профессором философии в Эдинбургском университете и священником Шотландской церкви. Томас Рид начинал как служитель Шотландской церкви, а через двадцать лет стал профессором университета. Адам Смит, наоборот, начинал как профессор университета, а затем стал воспитателем Генри Скотта, молодого герцога Баклю (Duke of Buccleuch). Эта должность дала ему возможность побывать во Франции и познакомиться с Вольтером и Франклином; затем он был назначен на должность таможенного комиссара в Шотландии, а закончил свою карьеру лордом-ректором университета Глазго. Дэвид Юм никогда не был университетским профессором, несмотря на его попытки получить кафедру пневматики в Эдинбургском университете и кафедру философии в университете Глазго, чему помешала его репутация вольнодумца. В его послужном списке должности библиотекаря библиотеки Эдинбургского университета, наставника маркиза Аннандейла (Marquess of Annandale), секретаря генерала Джеймса Сент-Клера (посланника при дворах Турина и Вены), секретаря британского посольства в Париже, а также – заместителя государственного секретаря по Северному департаменту.

Ситуация во Франции была не такой, как в Шотландии. Просветители, объединенные «Энциклопедией», были достаточно сплоченной группой, несмотря на различное происхождение и принадлежность к разным социальным слоям. Они принадлежали дворянской, в том числе и придворной, академической и клерикальной среде (аббат Малле был автором 1925 статей в «Энциклопедии», Жан-Батист де Ла Шапель, священник, математик и изобретатель, – 270 статей, Антуан-Жозеф Дезалье д'Аржанвиль, адвокат Парижского парламента и секретарь короля, более 600 статей). Наиболее известными авторами являлись независимые мыслители недворянского

происхождения, такие как Дидро, Вольтер, Руссо и Д'Аламбер¹².

В Германии влияние интеллектуалов из академической среды оказывалось намного выше. Многие, хотя и не все, ключевые фигуры Просвещения в Германии от Христиана Вольфа до Иммануила Канта были университетскими профессорами, хотя иногда оригинальные философские теории создавались вне университетских кафедр. Среди последних можно назвать Г. Лейбница и И.Ф. Гете, состоявших на придворной службе, И.-Г. Гамана, занимавшегося многообразной и подчас достаточно случайной деятельностью, Э.Ф. Чирнхауса, Ф.Г. Якоби и М. Мендельсона вполне успешных коммерсантов, И.Г. Гердера и В. Гумбольдта являвшихся государственными служащими. Впрочем, все они тесно сотрудничали с университетской профессурой.

Понимание места мыслителя в системе интеллектуальных сообществ становится особенно важным, когда объектом анализа оказывается общество с нестандартными интеллектуальными коммуникационными структурами, например, Россия эпохи Просвещения. В ней мы имеем дело со сложной конфигурацией интеллектуальных элит, пребывающих в относительно изолированных социальных пространствах. Одну из них, – церковную, Россия унаследовала от предыдущих эпох. Это интеллектуальное сообщество состояло из преподавателей церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованного духовенства. Другой тип элиты, академическая элита, появился в России сравнительно поздно. Он был создан государством в качестве ответа на необходимость решения ряда практических вопросов, связанных как с обоснованием идеологии за счет активизации исторических исследований, так и с необходимостью исследования территорий Империи. Академическое сообщество представляло собой систему институтов. Прежде всего можно назвать Санкт-Петербургскую академию наук с Академическим университетом (1724) и Московский университет (1755), а также Российскую Академию (1783), Академию художеств (1757), Дерптский (1802), Харьковский (1804), Казанский (1804), Петербургский (1819) университет и др. К ним примыкали, но только отчасти, военные школы для юношества – Сухопутный шляхетский кадетский корпус» (1731) и «Морской шляхетный кадетский корпус» (1752). Это сообщество было представлено

¹² *Kafker & Kafker.1988.*

университетской профессурой, академиками и академической администрацией. Оно было интернационально по своему составу и, в свою очередь, включено в международный академический обмен идеями через публикации, переписку, приглашения на службу в другие страны.

Третье сообщество составляла дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллигент, «дворянин-философ»¹³. В эпоху Просвещения потребление знания приобрело престижный и статусный характер. В обыденном мышлении познание как владение знанием отождествлялось с занятием философией, царицей наук.

Члены этих сообществ были достаточно тесно связаны друг с другом – происхождением, образованием, системой общих взглядов, образом жизни. Однако связи между названными социальными группами были нерегулярны, случайны и не обеспечивали формирования общей системы интеллектуальных ценностей. Появившись в начале XVIII в., они постепенно все больше отдалялись друг от друга, изменялись, маргинализировались, дополнялись. Смена элит – закономерное явление общественного развития. Можно вспомнить теорию круговорота (циркуляции) элит В. Парето¹⁴, пытающегося понять и объяснить этот механизм. Парето полагал, что история представляет собой «кладбище элит»: одна сменяется другой, кооптируя новых членов из низших классов. Парето писал не о существовании равноправных элит, а скорее об их иерархии. Но у него речь идет, прежде всего, о политической сфере, в которой существование весьма проблематично. Понятие интеллектуальной элиты интуитивно ясно, но неопределенно. Именно в таком качестве оно используется в исследованиях, непосредственно не связанных с социологией. Такие понятия М. Вебер называл «идеальными типами». Тем не менее оно важно для понимания логики развития интеллектуальных процессов, а, следовательно, их описания и исследования.

Интеллектуальные элиты России имели различный генезис, и они по-разному были связаны с культурой страны и с ее историей. Так, академическая элита возникла в России довольно поздно сравнительно с другими странами, она сформировалась только в

¹³ Такой исключительно знаковый псевдоним был избран Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым. См. *Дмитриев-Мамонов*. 2019.

¹⁴ *Парето*. 2008: 307–315

XVIII в., когда были открыты Петербургская академия наук и Московский университет. Дворянская элита постепенно формировалась по мере развития дворянской культуры. Просвещенный нобилитет являлся по сути представителем правящего сословия, поэтому интеллектуальная и политическая элиты в значительной степени совпадали. Церковная элита, напротив, в XVIII в. утрачивала свое господствующее значение, маргинализировалась и обособливалась. В России это было связано с секуляризационными процессами, проводимыми правительством, которое постепенно отнимало у православной церкви политическую, организационную и экономическую самостоятельность.

Богословы, или представители так называемого «ученого монашества», были сосредоточены в центрах церковного образования, прежде всего Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академиях¹⁵. Именно по отношению к этому сообществу можно сказать, что оно продолжало традиции отечественной мысли, ибо как Киево-Могилянская академия, так и Славяно-греко-латинская академия были основаны в XVII в. и первоначально являлись не церковными школами, а всесословными учебными заведениями, из стен которых выходили не только представители духовенства, но государственные деятели, образованные чиновники и будущие академики. По мере возникновения светских научно-образовательных центров, прежде всего – Академии наук с Академическим университетом (1724) и Московского университета (1755) происходил разрыв светского и богословского образования, так как в российских университетах, в отличие от европейских, не было богословского факультета. В то же время в XVIII в. академии утрачивали светские функции и становились институтами исключительно церковного образования.

Ко времени правления царя Петра Алексеевича именно богословы и священники представляли собой основных агентов духовной коммуникации российского общества с Западом. Она осуществлялась, прежде всего через систему церковного образования. Ряд православных иерархов Стефан (Яворский), Феофан (Прокопович), Иоасаф (Кроковский) и др. учились в Риме в специальной Папской греческой коллегии святого Афанасия, предназначенной

¹⁵ Анализ формирования церковного интеллектуала дается в книге В.В. Ванчугова. См.: *Ванчугов*. 2015.

для восточно-европейского духовенства. Позже некоторые из монашествующих получали и светское образование, в том числе и в Европе, как, например, Феофилакт (Ф.Л. Лопатинский) Амвросий (А.С. Зертис-Каменский). Симон (Симеон Тодорский), Архимандрит Дамаскин (Д. Семенов-Руднев) и др.

Практически все архипастыри завершали образование на Западе. Кроме того, подавляющее большинство из них выехало с Украины, где было особенно сильно влияние католицизма. Именно поэтому в такой среде происходило активное освоение «второй схоластики», а позже вольфианства.

По мере планомерного проведения ряда реформ – отмены патриаршества и создания Священного Синода (1721), секуляризации церковных владений, проведенных Екатериной II, которая фактически лишила церковь экономической самостоятельности, она теряла не только независимость, но и просветительское значение. Трансфер идей по церковным каналам сокращался, а интеллектуальная коммуникация, причем не только с Западом, но и внутри российского общества, ослабевала. В значительной степени это было вызвано также рядом указов, ограничивающих коммуникационные возможности церкви.

Один из первых петровских антицерковных указов «Об описи Патриаршего Дома [...] О непереходе монахам и монахиням из одного монастыря в другой, о недержании бельцов в монастырях и непозволении монахам писать в кельях» №1834 от 31 января 1701 года гласил: «Монахи в кельях никаких писем писать власти не имеют, чернил и бумаги в кельях имети да не будут, но в трапезе определенное место для писания будет: и аще нужды ради каковыя восхошет кто писати, и то с позволения начального, да пишет в трапезе явно, а не тайно понеже убо у древних отец предание бысть монаху ничто писати без повеления начального»¹⁶. Если прежде вся письменная продукция контролировалась духовной цензурой, то с 1720 г. церковные издания стали контролироваться Духовной коллегией или Синодом, т. е. государством, что было зафиксировано в Духовном регламенте¹⁷.

Не менее драматичной для системы коммуникации оказалась петровская реформа печатного шрифта 1707–1710 гг. Она заключа-

¹⁶ ПСЗРИ Т. IV, 1830:140.

¹⁷ Жирков. 2001.

лась в видоизменении облика традиционной кириллицы и сближения ее с латинской антиквой. При этом менялся не просто дизайн, но была совершена его значительная модернизация: не использовались надстрочные знаки, были исключены некоторые буквы, введена буква «э» и пр. Однако вся церковно-религиозная литература продолжала печататься старым, так называемым «кирилловским шрифтом», который использовался в Синодальной типографии. Таким образом печатная продукция, выходявшая из церковных и светских типографий, отличалась даже визуально. Кириллическая печать XVIII в. не всегда включалась в библиотечные каталоги и существовала в виде специального издания¹⁸. Это обособило продукцию синодальных типографий и отделило ее от современников и исследователей более позднего времени.

Интеллектуальная коммуникация церковных мыслителей с академической средой и дворянской интеллектуальной элитой не была интенсивной. Ее затрудняли формальные причины и государственные ограничения. Духовенство (по которому в данном случае подразумевается далеко не только монашество), на протяжении XVIII в. все больше обособлялось от остального общества, превращаясь в особое сословие. Б.Н. Миронов писал, что решающую роль в этом сыграли четыре реформы: «1) ограничение доступа и свободного выхода из состава духовенства; 2) стеснение права выбора прихожанами клира; 3) требование иметь специальное духовное образование для поступления в духовную службу; 4) узаконение практики наследственности церковных должностей»¹⁹.

Духовенство пыталось добиться для себя ряда привилегий и обращалось к правительству с предложением разрешить представителям этого сословия покупку крепостных, а также предложило включить иерархию духовных чинов в «Табель о рангах», где архиепископ приравнивался бы к генерал-аншефу, епископ – к генерал-поручику, настоятель монастыря – к генерал-майору, священник – к поручику, дьякон и монах – к прапорщику, церковнослужитель – к сержанту. Духовенство также претендовало на дворянство для высшей иерархии священнослужителей²⁰.

Эта категория не всегда рассматривалась властью как особое сословие, хотя имело все его признаки. Так, Екатерина II в XV главе

¹⁸ *Зернова, Каменева, 1968.*

¹⁹ *Миронов, 2000: 100.*

²⁰ *Миронов, 2000: 102.*

«Наказа» выделяла только «земледельцев», «мещан» (во французском оригинале «des bourgeois») «которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» и дворян²¹.

В Петровскую эпоху возник новый тип интеллектуальной элиты – академическая элита. Она была в значительной степени искусственным образованием для российской культуры и полностью подчинена потребностям государства. Так как в короткий срок невозможно взрастить собственную элиту, то значительная часть сотрудников Петербургской академии наук, особенно на ранних этапах ее развития, была приглашена из Европы. Для представителей этой элиты создавались особые условия, что делало Россию привлекательной как для молодых ученых, так и для маститой профессуры. Так, известный математик, физик и натурфилософ Леонард Эйлер, проработавший в России более 30 лет, писал: «Я и все остальные, имевшие счастье служить в Российской Императорской Академии, должны признать, что всем, чем мы являемся, мы обязаны тем благоприятным условиям, в которых мы там находились»²².

Академические контакты возникли в России задолго до открытия самой Академии: Р. К. Арескин, Л.Л. Блюментрост, И.Л. Блюментрост, И.Д. Шумахер, которым было поручено приглашение иностранных специалистов в Россию, активно переписывались с ними от имени Петра Великого. Россия была привлекательна для иностранцев по многим причинам. Работа в Академии наук давала возможность сосредоточиться на научных исследованиях и не преподавать вовсе (или ограничиться минимумом преподавательских часов), Академия наук оплачивала почтовые расходы своих членов, что позволяло им активно коммуницировать с коллегами из других стран, обмениваясь научными идеями и открытиями и поддерживая научную социальную сеть. Издательская политика Петербургской академии наук также была привлекательна для ученых. Она стимулировала научные публикации и создавала для них условия. С первых лет работы Академии начали выходить «Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук» (*Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*) на латыни, языке науки того времени. В этом продолжающемся печатном издании публиковались труды академиков на латинском языке.

²¹ Наказ. 2018: 430.

²² Цит. по: *Копелевич*. 1988: 56.

С 1750 г. стали выходить «Новые комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук» (*Novi commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*). Эти издания рассылались в крупнейшие научные центры мира, таким образом происходила популяризация исследований петербургских ученых. Петербургская академия наук имела большую издательскую программу, согласно которой каждый академик должен был написать книгу по своей дисциплине. Они публиковались на русском, а также на немецком, французском и латинском языках в виде больших серий книг и пособий. Только Леонард Эйлер опубликовал около 600 работ. Для реализации своих изданий Академия была вовлечена в большую книготорговую сеть. Продукция Петербургской академии была хорошо известна в каждом научном центре Европы и Америки. Некоторые книги продавались без прибыли, чтобы поддержать престиж России как научного центра. Публикации на иностранных языках давали Академии возможность заявить о себе как о важном звене мировой научной сети.

В первой трети XVIII в. из академической типографии выходила почти вся печатная продукция России, не только научные книги, но и учебники, произведения художественной литературы, в том числе панегирического характера месяцесловы, адрес-календари, книги эмблем, описания придворных празднеств. Кроме того, в число академических изданий входила первая, а до середины XVIII в. и единственная, российская газета «Ведомости» (с 1728 г. «Санкт-Петербургские ведомости»), первый журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» и пр. Кроме типографии в состав Петербургской академии наук входили библиотека, музей (Кунсткамера), анатомический театр, обсерватория и др.

Состав Петербургской академии наук был очень интернациональным. В XVIII в. среди 110 академиков было 67 немцев, 34 русских (включая 27 этнических русских и 7 представителей различных национальностей Российской империи), 7 швейцарцев, 5 французов, 2 шведа, 1 британец, 1 испанец²³. Почетными членами Петербургской академии наук были известнейшие ученые своего времени – Христиан Вольф, Вольтер, Жан ле Ронд Д'Аламбер, Дени Дидро, Жан Антуан Кондорсе, Иммануил Кант, Иоганн I и

²³ Летопись. 2000: 7.

Иоганн Ш Бернулли, Карл Фридрих Гаусс, Пьер-Симон Лаплас, Бенджамин Франклин и многие другие. В свою очередь, ряд российских ученых и общественных деятелей были избраны почетными членами Шведской академии наук. Это Ж.Н. Делиль (1747), астроном, И.Г. Гмелин (1747), естествоиспытатель, Л. Эйлер (1755), математик, М.В. Ломоносов (1760), химик, Ф.У.Т. Эпинус (1760), физик, Г.Ф. Миллер (1761), историк, И.А. Эйлер (1771), А.И. Лексель (1771), С.Я. Румовский (1771), астроном, П.С. Паллас (1776), естествоиспытатель, кн. А.Б. Куракин (1798), С.Г. Домашнев (1778), директор Петербургской Академии наук в 1775–1783 годах, Е.Р. Дашкова (1783), директор Петербургской Академии наук в 1783–1794 годах, Г.К. Разумовский, А.А. Нартов (1795), президент Берг-коллегии, граф А.А. Мусин-Пушкин, государственный деятель (1795), Н.И. Фусс, математик (1795)²⁴.

Институт почетных членов Академии наук (характерный и для других академий мира) привлекал в сообщество российских ученых виднейших интеллектуалов Европы, российские же ученые становились членами иностранных академий. Титул почетного члена Академии наук присваивался коронованным особам и важным персонам. Правда, здесь так же учитывались научные или литературные достижения. Так, Екатерина II была членом Берлинской академии наук, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III были членами Петербургской академии наук, а Екатерина Дашкова – членом Американского философского общества.

Вместе с тем, в России социальное положение служащих Академии наук было неопределенно, так как академические иерархии находились вне Табели о рангах. Они не считались государственными чиновниками, не имели право на пенсию. Кроме того, их статус оставался неопределенным вне академической иерархии, они не могли получить потомственное дворянство, несмотря на значительные заслуги перед государством. Даже обласканный екатерининским двором Л. Эйлер получил отказ, когда обратился за получением чина²⁵. Таким образом, отсутствие возможности получения чинов и невнятный социальный статус могли сделать академическую карьеру непривлекательной для различных слоев населения и прежде всего для дворянства. Г.Ф. Миллер писал: «Русское дворян-

²⁴ Смагина. 2006: 214.

²⁵ Актуальное прошлое. 2018: 468.

ство ищет повышений чинами. Между тем знатнейшие ученые оставались без чинов, и это в стране, где все преимущества соразмерены с чинами, где не имеющий чина не может показаться ни при каком официальном представлении, какой же после этого порядочный человек решиться оставаться при учености, я хочу сказать сделаться ученым по профессии?²⁶

М.В. Ломоносов был в этом смысле более оптимистичным. Он считал, что приобщение к сокровищу знаний не только приближает к этосу благородных, но и повышает реальный социальный статус. Так, в 1758 г. в Проекте регламента академической гимназии он писал: «Науки являюся путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство»²⁷. Ломоносов в какой-то мере принимал желаемое за действительное, хотя сам и получил чин коллежского советника, дающего ему право на наследственное дворянство. Таким образом, не столько образование, сколько должность изменили его социальное положение.

Способы коммуникации и трансляции знания в академической среде, с одной стороны, выводили ее на международный уровень, а с другой – невольно отгораживали от непосвященных в своей собственной стране. Использование «ученого языка» – латыни и немецкого, употребление профессиональных понятий и терминов требовало специальной, иногда узкоспециализированной подготовки. Проблематика академических исследований в России и используемые в них научные методы не отличались от тех, которые были характерны для Европы. Но, так же, как и в европейских странах, академическая философия отличалась от той, которая распространялась в дворянских салонах.

В 1755 г. М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым был основан Московский университет, который создал академическое пространство в старой столице России. Первоначально в Московском университете имелось три факультета: философский (пропедевтический) и два высших – юридический и медицинский. Богословского факультета не было, богословие изучалось в церковных школах. Таким образом, обычного для европейского университета совместного обучения в одном университете ученых и богословов в России не существовало. Университет являлся государственным учрежде-

²⁶ Цит. по: *Толстой*. 1885: 7.

²⁷ *Ломоносов*. 1955: 482.

нием, финансировался государством, подчинялся Сенату, а непосредственное управление им осуществлялось куратором, также назначенным государством. Университетские программы курсов лекций и набор преподаваемых дисциплин тоже утверждался соответствующими государственными структурами. Первым куратором стал И.И. Шувалов. Студенты были выходцами из разных социальных слоев: разночинцы, «поповичи», дворянские дети. Предполагалось, что выпускники станут образованными государственными служащими, и только небольшая часть их будет продолжать заниматься науками. Значительное количество преподавателей было приглашенными западными специалистами.

Дворянство в России являлось достаточно поздним социальным образованием. Оно сформировалось из высших разрядов служилых людей и постепенно превращалось в правящую элиту²⁸. В 1762 г. «Манифест о вольности дворянской» освободил дворян от обязательной службы государю и государству. На протяжении второй половины XVIII в. дворяне получили еще ряд прав: право иметь сословный суд, формировать уездную администрацию, освобождение от налогов, повинностей, телесных наказаний и пр. Дворяне превратились в привилегированное сословие с узкими сословными интересами. Важнейшим документом, представляющим собой модель сословного лифта, была «Табель о рангах», дающая возможность перехода в дворянство по достижении определенного чина. Потомственное дворянство давал чин VIII класса на гражданской службе и офицерский чин на военной.

В XVIII в. дворяне, за редким исключением, не получали систематического университетского образования, они учились дома, позже часть из них приобретала знания в специализированных учебных заведениях и военных училищах. Они, конечно, могли посещать публичные лекции, которые читались учеными Академии наук и Московского университета, а также брать частные уроки у отдельных профессоров. Так, например, в дворянской среде пользовался популярностью приватный курс профессора Московского университета Ф.Г. Дильтея, посвященный изложению основ естественного права²⁹, но далеко не все получали систематическое и полное университетское образование, и, что важно, оно не было необхо-

²⁸ См. *Миронов*. 2000: 82–83.

²⁹ *Бугров, Киселев*. 2016: 136.

димым ни для успешной карьеры, ни для социального статуса.

В 60–70-е гг. XVIII в. были проведены масштабные реформы образования в соответствии с просветительскими принципами эпохи. Были организованы или преобразованы закрытые дворянские школы – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) и Сухопутный шляхетный корпус в Петербурге, Екатерининское училище в Москве. Для создания в России «третьего сословия» были образованы особые «мещанские» училища при Академии художеств, Воскресенском Новодевичьем (Смольном) монастыре, Сухопутном шляхетном корпусе, Московском коммерческом училище. Особая роль отводилась Воспитательному дому, принимавшему брошенных родителями младенцев. Это была широкомасштабная политика образовательных новаций, направленная на создание новой элиты и формирование в обществе системы ценностей, где образование и воспитание были бы включены в структуру социальных лифтов. В соответствии с набором эпистемологических ценностей эпохи, идеологи этих реформ полагали, что идеал образованного человека – это энциклопедист, в равной степени искусный в разнообразных «науках и искусствах». В «Уставе Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса», читаем: «Должно наипаче из сего Корпуса произвести и воинов и граждан, искусных в политической экономии и в законах своего Отечества так, чтоб генерал, одержав победу, мог решить одно дело в Сенате, распорядить течение доходов, направлять земледелие, исполнять должность генерал-полицмейстера, чтоб из Сената, из Военной, Комерц-, Камер-коллегий и из других правительств паки мог ехать в поле предводительствовать армию, и при назначении в сии должности не было бы нужды разбирать время и особы»³⁰.

В XVIII в. широко обсуждался вопрос о соответствии характера и уровня образования для того или иного сословия. Если дворянское образование должно было отличаться энциклопедичностью и глубиной, «мещанское» – овладением полезными науками и практическими навыками, то крестьянское должно было ограничиваться обучением грамоте и катехизацией. Член-корреспондент Российской АН П.И. Рычков (ум. 1777 г.) писал, что «в деревне, сто душ имеющей, писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было; ибо примечается, что из таких людей, научившихся писать,

³⁰ [Бецкой И. И.]1766: 60.

знание свое нередко во зло употребляют, сочинением фальшивых пашпортов и тому подобного: но читать единственно чем больше будет умеющих, то для их собственного просвещения и для всего общества полезнее»³¹.

В системе дворянского образования, кроме изучения наук и иностранных, а также древних языков, имелось множество предметов, которые необходимы были главным образом для социализации и изучались не как будущая профессия, а как средства для светского общения: музыка, пение, танцы, фехтование, верховая езда, рисование. «Выученная коммуникабельность» включала в себя также знание этикетных предписаний, костюмных символов, умение держать себя в обществе, поддерживать беседу, в том числе и на расстоянии с помощью освоения эпистолярных жанров. Письма рассматривались не только как обмен информацией, но как особый литературный жанр, которым адресат мог поделиться в дружеском кругу. Активные межличностные коммуникации формировали сообщества, «свет». Светский человек принадлежал нескольким таким сообществам, объединенным общими вкусами, интересами, родством, системой взаимных услуг. Дворянство было, по сути, единственным социальным слоем, способным к самоорганизации и к созданию собственного медийного пространства без участия государства. Речь идет о системе салонов, клубов, различных сообществ, включая масонские ложи, в которых совершался активный обмен идеями. Светское образование и воспитание было тем «клеем», который соединял представителей дворянства в «общество». Именно дворянство формировало общественное мнение, являясь единственной формой существования российского гражданского общества, могущей противостоять правительству и влиять на его решения.

При этом дворянство представляло собой сообщество, достаточно закрытое для проникновения туда представителей других сословий, но открытое вовне, связанное многочисленными каналами с культурой и историей других, прежде всего европейских стран. Образованные дворяне, принадлежавшие к высшим кругам общества, называли себя «гражданами мира», что предполагало известную долю аристократического космополитизма, основанного на общности культуры и происхождения. Примечательно, что дворянство всегда было более российским, нежели русским. Это можно

³¹ Рычков. 1770: 16–17.

подтвердить, обратившись к генеалогической идентификации дворян, гордившихся происхождением, ведущим свои корни от варяга Рюрика, литовца Гедиминоса и даже от татарских князей. Впрочем, этническая идентификация – вопрос особого исследования.

Нормой было знание иностранных языков – прежде всего французского (*lingua franca* международного дворянского сообщества) и (или) итальянского. Система образования предполагала в качестве его завершения поездку в Европу, так называемый *Grand Tour* с обязательным посещением Италии и Франции, факультативным – Великобритании и попутным – Германии, предполагавший осмотр музеев, архитектурных памятников, мануфактур, иногда лекций в известных университетах, знакомство с выдающимися людьми³². Таким образом, дворянство использовало важнейший коммуникационный канал, обеспечивающий единство интеллектуальной культуры России и Запада.

Именно дворянство стало активно осваивать философию эпохи Просвещения – сочинения Д. Локка, Т. Гоббса, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Д. Дидро, Ч. Беккариа, Б. Франклина, А. Фергюсона, сочинения которых не преподавались в российских университетах, более того, они знакомились и активно общались с самими мыслителями. Хорошо известны истории личных и эпистолярных связей Петра I с Лейбницем и Хр. Вольфом; А. Кантемира с Монтескье; И.И. Шувалова с Вольтером, Руссо, Рейналем, Дидро; Е.Р. Дашковой с Дидро; Г.Г. Орлова с Руссо, А.М. Белосельского-Белозерского с Вольтером, Руссо, И. Кантом, Д.А. Голицына с Вольтером, Дидро, Монтескье, Д'Аламбером, Гельвецием (Голицын издал рукопись знаменитой книги Гельвеция «О человеке») и т.д. Известна активная переписка Екатерины II с М. Гриммом, Вольтером, Фридрихом II, Э.М. Фальконе, Д. Дидро и другими интеллектуалами. После коронации она начала переписываться с мадам М.-Т. Жоффрен, чей салон в Париже был чрезвычайно популярен и посещался многими известными интеллектуалами, включая Жана Ле Ронда д'Аламбера, П.-А. Тьери, барона Гольбаха, Дени Дидро, Шарля-Луи де Монтескье, Станислава Понятовского, Горация Уолпола, Адама Смита, Дэвида Юма, Бенджамина Франклина и многих других.

Особенно популярны были идеи французских просветителей,

³² Лер. 2015.

прежде всего Вольтера и Руссо, породивших феномены вольтерьянства и руссоизма. При этом антиклерикализм французских мыслителей, который сделал их имена запретными в церковной среде и опасными в академической, несколько не смущал дворянских мыслителей, открыто демонстрирующих аристократический скепсис и просвещенное неверие.

Идеи европейских мыслителей использовались российской элитой для создания важных политических или образовательных проектов. Так, например, один из важнейших политических документов Екатерининского времени Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения был написан императрицей на основании внимательного изучения политических идей Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, И. Зонненфельса, И.Г.Г. Юсти, Я.Ф. Бильфельда, А. Смита и др.

Исследования дворянских библиотечных собраний показывают, что они активно приобретали сочинения западных философов и ученых, а также тщательно их изучали: «Чтение было важнейшей составляющей интеллектуальной повседневности россиян постпетровского времени: оно являлось одним из главных путей распространения новых идей и навыков. С начала XVIII в. Россия вступила в период введения в оборот основополагающих и новейших научных трудов. Создавались первые книжные собрания российского дворянства»³³. Важно отметить, что дворяне обычно знакомились с сочинениями западных мыслителей на языке оригинала.

Важным каналом, обеспечивающим как внутри, так и межкультурную коммуникацию, было масонство. А.И. Серков отмечает, что в России около трети образованного общества принадлежало к масонским ложам³⁴. Первоначально масонство представляло собой форму социализации иностранцев, использовавших масонские дипломы фактически как паспорта или рекомендательные письма для того, чтобы стать «своим» в российском обществе. В Екатерининскую эпоху масонство превратилось в важный социальный институт российского общества, отчасти в инструмент гражданского общества. Членами масонских лож становилось все больше российских дворян, занимавших в нем ключевые посты. Масонство формировало оппозицию, развивало систему благотворительных институтов, способствовало трансферу идей. Так, например, именно

³³ Кулакова. 2011: 106. См. также: Канунова.1990; Сомов. 2000.

³⁴ Серков. 2000.

масонство было каналом, по которому распространялась герметическая философия, мистицизм. Эта философия не преподавалась в университетах, не входила в систему домашнего воспитания, но составляла часть духовных занятий, «работ» масонов. В масонских типографиях публиковались тексты таких мыслителей как Джон Пордедж, Луи Клод де Сен-Мартен, Джон Мейсон, Карл Эккартсгаузен, Уильям Хатчинсон, Иоганн Арндт, Якоб Беме, Уильям Дерем, Карл Фридрих Кёппен, Абрагам фон Франкенберг, Фома Кемпийский, Парацельс, и др. Часто в масонском обиходе использовались не печатные издания, а рукописи. Так, в архивах можно найти множество списков сочинений Р. Фладда, Д. Пордеджа, Э. Сведенборга и др. Масонство, таким образом, обеспечивало как межкультурный, так и внутрикультурный коммуникационный канал распространения философских идей и площадку для их освоения и обсуждения.

Философские идеи достаточно редко выражались в дворянской среде в виде классических научных трактатов, хотя можно назвать А.Н. Радищева, автора «О человеке, о его смертности и бессмертии» или А.М. Белосельского-Белозерского и его трактат «Дианиология, или философическое изображение понимания». Чаще они выступали в литературной, эпистолярной, мемуарной форме и требуют особых стратегий изучения и прочтения. Дворянская культура имеет личностный, персонологический характер, поэтому интерпретация текста требует обращения к личности.

Сложная структура российской интеллектуальной элиты XVIII в. сформировала в ней независимые сегменты, слабо связанные друг с другом: таким образом, важно не только выяснить, какие философские идеи обсуждались в обществе, но также и то, в каком из сообществ они были популярны. Разумеется, на глубинном уровне культуры сообщества пересекались и взаимодействовали, но это были слабые связи, носящие единичный и случайный характер. Понимание этого делает возможным выявление имманентной логики развития каждого сообщества без огрубляющего стремления их неперменного суммирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

[Бецкой И.И.] Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского

корпуса учрежденного в Санктпетербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб., 1766.

Дмитриев-Мамонов Ф.И. Дворянин-философ. «Известия», рукописные книги, медали и «системы» (1770–1780). Б.С.Г.-Пресс, 2019.

Зернова А.С., Каменева Т.Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968.

Летопись Российской академии наук / / отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000.

Ломоносов М.В. Проект регламента академической гимназии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Том девятый: Служебные документы. 1742–1765 гг. М., 1955.

Наказ Комиссии о сочинении проекта Нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа, источники, переводы, тексты / Изд. подг. Н.Ю. Плавинской. М., 2018.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. IV.

Сочиненный Господином Статским Советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. 16. Ч. 16. С. 13–68.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / Сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина. СПб., 2018.

Бургов К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016.

Ванчуров В.В. Первый историк русской философии. Архимандрит Гавриил и его время. М., 2015.

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Израэль Д.И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. 2: 1651–1702. М., 2018.

Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского (по материалам библиотеки поэта). Томск, 1990.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Перевод с английского Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск, 2002.

Копелевич Ю.Х. Эйлер член Петербургской Академии наук, действительный и почетный // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука / Под ред. Н.Н. Боголюбова, Г.К. Михайлова, А.П. Юшкевича. М., 1988.

Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 90–119.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). М., 2003. Т. 2.

Лер С. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (се-

мейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 158–171.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2008.

Серков А.И. Российское масонство. Часть первая. Восемнадцатый век // *Звезда*. 2000. № 7. С. 169–178.

Смагина Г.И. Сподвижница великой Екатерины. СПб., 2006.

Сомов В.А. Брауншвейгская библиотека князя Дмитрия Алексеевича Голицына // *История библиотек: Исследования, материалы, документы / Научный ред. И. И. Фролова*. СПб. Вып. 3. С. 170–193.

Berlin I. Three critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder. Ed. by Henry Hardy. Princeton, 2003.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, 1989.

Israel J. Radical Enlightenment: Philosophy and the making of modernity, 1650–1750. Oxford, 2001.

Israel J. A revolution of the mind: Radical Enlightenment and the intellectual origins of modern democracy. Princeton, 2011.

Israel J. Democratic Enlightenment: Philosophy, revolution, and human rights, 1750–1790. Oxford, 2013.

Kafker F.A., Kafker S. The Encyclopedists as individuals: A biographical dictionary of the authors of the Encyclopédie. Oxford, 1988.

May H.F. The Enlightenment in America. N.Y., 1976.

May H.F. The divided heart: Essays on Protestantism and the Enlightenment in America. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1991.